

ЭКЗАМЕН на ЗРЕЛОСТЬ

★ Комсомольский балет в Малом оперном театре ★

В РАСПОРЯЖЕНИИ Николая Петрова — два часа. Только что кончилась репетиция, а в шесть надо снова быть в театре — сегодня Николай занят в спектакле. За эти два часа надо успеть написать сочинение — «Классика литературы в музыке».

Тема у Николая не вызывает сомнений — он расскажет о том, как вместе с комсомольцами Малого оперного театра делал свою первую серьезную постановку — балет «Романтическая песнь». Это была самая трудная и ответственная в жизни начинающего балетмейстера работа, экзамен на творческую зрелость. Но здесь, в Консерватории, Николаю начинает казаться, что легче было сделать балет, чем рассказать о нем.

А поначалу Николай растерялся. В голову приходили мысли, которые ни под каким соусом не могли войти в классические каноны сочинения. Вспомнилось почему-то ему, как усталый от внеурочных репетиций Леша Носков каждый раз требовал морковного пюре: по его мнению, это должно было восстановить силы.

Воспоминания нахлынули разом, вне всякой хронологической последовательности. Николай отложил авторучку — успеется! И вдруг перед ним зримо встала последняя сцена балета.

МАЖОРНО, чуть фантастично звучит адажио. Земля хранит память о трагической и прекрасной любви двух гордых и непреклонных людей — Лойко и Радды. Вот они: в нежном и легком танце скользит чудесная пара, а по сторонам, как крылья большой птицы, пять девушек и пять юношей — друзья влюбленных. Они колеблются, подобно растениям в воде. Все дышит спокойствием и гармонией. Но вдруг морской вол-

ной набегают несчастье, расстаются возлюбленные, и косяком летят вольные стелющиеся птицы в заходящее солнце.

Николай пытается припомнить все в строгой последовательности. Тогда, на комитете комсомола, было оживленно. Идея создания комсомольского балета всем была по душе. Вот только, что ставить? Борис Малов, секретарь комитета, вспомнил о дипломной работе Андрея Петрова — симфонической поэме «Романтическая песнь» по рассказу Горького «Макар Чудра». Когда-то вместе с оркестром театра Борис исполнял ее на концертной эстраде.

Предложение понравилось — позвонили Андрею Петрову, тот согласился. Решили все вместе думать над либретто.

Признаться, если бы в тот день Николаю сказали, что он будет ставить этот спектакль, он бы улыбнулся — и в мыслях не было! Во-первых, срок очень короткий, во-вторых, Андрей Петров писал симфоническую поэму, а не музыку для балета, в-третьих... Короче, причины для сомнений нашлись.

Но всеобщая увлеченность захватила и Николая. Балет он ставить не собирался, а вот написать экспозицию, попробовать свои балетмейстерские силы был не прочь. Интересно было поработать именно над симфоническим произведением — раскрыть в танце музыкальную драматургию произведения. Лиха беда начало! Через неделю Николаю стало ясно, что от «Романтической песни» ему не уйти, как от самого себя. Из сомневающегося он превратился в самого увлеченного.

На открытом комсомольском собрании либретто Николая Петрова было принято. Молодые артисты приступили к осуществлению своего замысла.

РЕПЕТИЦИИ шли в неурочное время, где-то между дневными репетициями и спектаклями. Сначала установили график, который про себя прозвали «идеально-железным». В комитет комсомола поступали заявки — кто какую хочет взять роль. Людмила Камилова и Светлана Фадеева танцевали Радду, Валерий Панов и Алексей Носков — Лойко.

В театре не все верили в удачу молодых артистов. Несколько лет назад молодежь театра затеяла что-то подобное — хотели поставить «Трех мушкетеров». Вениамин Баснер написал музыку, ребята рылись в старых жур-

налах, выискивая исторические подробности эпохи кардинала Ришелье. Уже виделся сюжет, отдельные танцы. Но дирекция тогда испугалась давать «кассовый» спектакль молодежи, идея осталась неосуществленной. Эта неудача заставляла молодых артистов особенно требовательно подходить к своей теперешней работе, надо было доказать и себе и другим возможность постановки в театре комсомольских спектаклей.

Проблемой № 1 стали костюмы. Хозяйственники долго отнекивались — вместо шерстяных лосин предлагали бумажные, пытались всучить подбор платьев из гардероба «Весприданницы». Константин Федорович Воярский, тогда главный балетмейстер театра, твердо решил:

— Получится спектакль — оденем в костюмы, не получится — не оденем.

Недоступной роскошью оказалась оркестр. Всю работу проводили под магнитофон. С ним здоровались, вели душевные беседы, укоряли, когда рвалась пленка:

— Ну, как же так, товарищ концертмейстер!

Капризными быть не приходилось. Правда, нет худа без добра — магнитофон не просил перебива...

Потом начались творческие споры. Приходили старшие товарищи и скептически посмеивались:

— А где цыгане, где костер, где, наконец, сам Макар Чудра?

Всего этого в спектакле не было. Не о внешней экзотике хотели рассказать участники этого спектакля, а скорее о романтике любви, гордости, воле, о романтике, которая не нуждалась в ставшем заурядностью антураже. Писать сценарий по рассказу Горького — это не входило в их задачу. Язык балета иной, более условный, чем литературы, у него свои традиции, а иллюстрировать танцем даже самые прекрасные слова и фразы — занятие ненужное. Николай Петров участвовал в свое время в постановке танцев к «Золотому петушку», ставил в концертной программе 12-й этюд Скрябина — опыт пригодился в работе над «Романтической песней».

ПОЗАДИ страхи и волнения. «Романтическую песнь» увидели и полюбили зрители. Комсомольцы Малого оперного театра на деле доказали свое умение и свою самостоятельность. А вот Николаю Петрову еще доказывать и доказывать. Экзамен — это тебе не шутка. Лирикой здесь не отделаешься. То, о чем он вспоминал здесь, это так, для души. А теперь надо писать сочинение. Серьезное, умное — о работе балетмейстера над музыкальным произведением. О его Радде и Лойко.

В. СОЛОВЬЕВ